

MOCKBA

ПРЕДИСЛОВИЕ

Виктор Любимов всегда мечтал стать моряком. Военным моряком. И делал для этого все, что было возможно: окончил Военно-морскую спецшколу, потом Высшее военно-морское училище имени М.В. Фрунзе. Учился «на отлично», «по первому разряду». Для службы выбрал Черноморский флот. Командовал башней крейсера «Молотов». Казалось бы, что еще надо для счастья? Но, как говорят в народе, человек предполагает, а судьба располагает. А она неожиданно преподнесла молодому старшему лейтенанту сюрприз. Да такой, что Виктор долго не мог опомниться. Нежданно-негаданно в 1951 году его послали на Высшие академические курсы офицеров разведки. Он возражал как мог, но приказ есть приказ. С тех пор вся его жизнь была связана со стратегической разведкой: четыре длительные зарубежные командировки — в США, Францию, Голландию и Германскую Демократическую Республику, работа в Центральном аппарате ГРУ, вербовка нескольких ценных источников.

Английский писатель, автор шпионских романов Джон ле Карре пафосно произнес однажды: «Великие шпионы не умирают». Умирают. Скольких великих шпионов мы не знаем. Скольких не узнаем никогда. Сдается мне, мысль ле Карре верна лишь в одном случае. Они не умирают и живут в наших сердцах, если писатели успевают

рассказать о них. Впрочем, и великими они станут только тогда, когда о них узнает мир.

Вот потому и написана эта книга. Очень хочется, чтобы память о военном разведчике Викторе Любимове навсегда осталась в наших сердцах.

«МОРСКОЕ ДЕЛО ЛЮБИТ...»

Капитан 2 ранга неторопливо развернул красную папку — личное дело офицера, стал читать, забавно пожевывая толстенькими губками.

— Ну что ж, Любимов, — сказал он, оторвавшись от бумаг, и подслеповато глянул на старшего лейтенанта, который вытянулся во фронт у его стола.

— Да вы садитесь, — спохватился капитан 2 ранга, — отдохните пока...

Старший лейтенант Виктор Любимов присел на стул.

Аттестация

«Любимов Виктор Андреевич. Старший лейтенант. Год рождения 1926-й. Русский. Член ВЛКСМ. В Военно-морском флоте с января 1944 года. Образование — Высшее военно-морское училище им. М.В. Фрунзе в 1948 году. Награды: медали «За оборону Москвы», «За победу над Германией».

С августа 1948 года по октябрь 1949 года — командир башни крейсера «Молотов» бригады крейсеров Черноморского флота.

Получив назначение командиром башни, Любимов В.А. с интересом и настойчивостью стал ее изучать. К началу стрельб освоил ее настолько, что был допущен к стрельбам 1949 года самостоятельно.

Башня за 1949 год не имела поломок, аварий и пропусков благодаря умелому руководству командира башни.

Дисциплина личного состава башни хорошая. Сам Любимов В.А. дисциплинирован, предусмотрителен, но обидчив, вспыльчив. Умеет быстро поправлять свои ошибки.

Морское дело любит, не укачивается.

Командир 1-го артдивизиона БЧ-II крейсера «Молотов» капитан-лейтенант В. Бреде».

— Так, так, — пробурчал про себя кадровик, — «не укачивается...».

— Не понял, товарищ капитан второго ранга? — Любимов приподнялся со стула.

— Да это я так, про себя, сиди-сиди, — успокоил кадровик — В аттестации твоей прочитал — не укачиваешься, стало быть. Не последнее качество в нашем деле.

И капитан 2 ранга вновь «клюнул» в бумаги.

Любимову интересно было смотреть на этого подслеповатого, в кругленьких очках, медлительного кадровика. Настроение у него что надо. Прибыл с флота, прошел медкомиссию, оставалось только получить предписание на офицерские курсы повышения специальности... И!.. Это «и» просто пело в груди — встречай, Ленинград! Три года он не был в Питере, в родном училище. Черноморский флот, крейсер «Молотов», эсминец «Боевой». Будет что рассказать и любимым педагогам, и зеленым гардемаринам. Как-то его примет альма-матер?

— Вы участник Парада Победы? — спросил «кап-два» и удовлетворенно хмыкнул, мол, когда все успел?

«Выходит, успел», — подумал про себя Любимов. Это потом, с годами он придет к пониманию, что на тот Великий Парад попал, почитай, случайно. Ведь исполнилось ему в 1945 году всего девятнадцать лет. И особых заслуг перед Родиной у него не было, да и быть не могло.

Но Парад Победы — это нечто особенное в его жизни.

...Сводный полк Военно-морского флота состоял из пяти батальонов. Так вот, пятый батальон как раз и комплектовали из ребят его возраста, молодых и, по нынешним меркам, зеленых. Однако тогда было иное,

военное время, и в парадный расчет включили лучших из лучших. В этих шеренгах шли курсанты высших военно-морских училищ, но многие из них уже успели повоевать, имели за плечами боевой опыт, награды. Некоторые ушли на фронт с первого курса училища, отвоевали по два-три года и были решением руководства страны отозваны, чтобы завершить обучение.

Жили участники парада в Тушино, во флотском экипаже, а тренировались в Химках, в районе речного вокзала и на центральном аэродроме. Командовал полком герой обороны Севастополя вице-адмирал Фадеев, а его замом по строевой назначили полковника с фамилией Дубина. Разумеется, он представился, делая ударение на последнем слоге, но курсанты произносили его фамилию в собственной транскрипции.

Ох, и гонял их этот «сапог Дубина»! Марш-марш, тянуть носок, видеть грудь четвертого человека. Прошло пять лет, а Любимов до сих пор помнит его уроки строевой подготовки.

Удивительное было время. Рядом с собой в каких-нибудь двух-трех метрах курсант Любимов мог видеть легендарных полководцев, маршалов Жукова, Рокоссовского, Мерецкова, Говорова. Они возглавляли полки своих фронтов, а Жуков, как известно, принимал парад.

А потом был Парад Победы. Их полк начал прохождение под флотский марш. Звучала музыка и дорогие сердцу каждого моряка слова: «Морская гвардия идет уверенно, любой опасности глядит в глаза. Морская гвардия в боях проверена, морская гвардия для недругов гроза».

Однако, когда начал движение их пятый батальон, марш вдруг оборвался и зазвучала барабанная дробь. Следом за их батальоном шла та знаменитая «коробка» знаменосцев, которые несли фашистские штандарты и бросали их к подножию Мавзолея.

А после Парада восторженные москвичи их буквально носили на руках...

— Значит, с медкомиссией все в порядке? — услышал он далекий голос кадровика.

— Извините... — стряхнул с себя остаток воспоминаний Любимов.

— Спрашиваю, со здоровьем нормально? Медкомиссию прошли?

— Так точно, товарищ капитан второго ранга!

— Ну, вот и славно. — И кадровик, причмокивая, протянул ему предписание. — Вам приказано завтра явиться в Фили. Адрес там есть.

— Как в Фили? — не понял старший лейтенант. — Какие Фили? Я же в Ленинград?..

Кадровик настойчиво показал головой и вскинул вверх палец.

— Вам доверено обучение на Высших академических курсах офицеров разведки Генерального штаба.

— Разведки? — ошарашенно прошептал Любимов.

— Так точно, мой дорогой!

— Но я не просился в разведку. Я морской офицер и не желаю...

— Стоп! — Кадровик недовольно оттопырил нижнюю губу. — Вы так и не поняли, товарищ старший лейтенант... Повторяю! — Он надавил на слово «повторяю». — Вам доверено обучение. Слышите?

— Слышу, не глухой... — отозвался обиженно Любимов. — Но я хочу служить во флоте. Во флоте, понимаете? Я окончил военно-морское училище...

— Мы знаем, что вы заканчивали... — прервал его капитан 2 ранга. — Мы знаем все! Как служили на крейсере, на эсминце, как перегоняли корабли с Балтики в Новороссийск. Поэтому и направляем вас учиться на Высшие академические курсы...

— Разведки?

— Да, разведки... Служить будете там, где прикажет Родина...

Кадровик замолчал, всем видом показывая, что разговор окончен.

— В таком случае разрешите обратиться по команде к старшему начальнику?

Капитан 2 ранга медленно поднялся из-за стола. Теперь он совсем не был похож на подслеповатого добрячка с толстыми губками.

— Тебе надо ссать кипятком от радости, понял? А ты в бутылку лезешь. Ладно, я доложу начальству. Свободен...

На следующий день Любимов оказался в кабинете начальника отдела кадров Военно-морского флота вице-адмирала Виноградова. Рубанул строевым по ковровой дорожке, доложил. Адмирал, не проронив ни слова, выслушал аргументы Любимова. В его лице не дрогнула ни одна жилка.

— Все? — спросил вице-адмирал.

— Так точно.

— Идите, товарищ старший лейтенант. Выполняйте приказ.

И старший лейтенант, развернувшись на каблуках, вышел из адмиральского кабинета... в совсем другой мир. В мир, о котором он ровным счетом ничего не знал.

КОМАНДИР БАШНИ ГЛАВНОГО КАЛИБРА

Из штаба флота он поехал к отцу. В Филях, на Высшие курсы было предписано явиться завтра, и Любимов решил проведать старика. Отец в последнее время прибалывал. Сказывался возраст, война, работа в МУРе, где он был следователем по уголовным делам.

По дороге Виктор размышлял над неожиданным поворотом судьбы. Морская служба у него шла неплохо, и он уже мечтал... Да мало ли о чем мечтал флотский офицер Любимов... Теперь, откровенно говоря, и неизвестно, о чем мечтать. Он попытался припомнить имена каких-то разведчиков, но, пожалуй, кроме дважды Героя Советского Союза Леонова и его морских диверсантов никто на память не приходил.

«Но не случайно же меня туда заткнули», — подумал с досадой Любимов. Стал вспоминать, когда его судьба хотя бы невзначай сводила с разведкой. Поначалу ничего не выходило. Не было у него таких встреч — ни случайных, ни закономерных. Ну не считать же его вылазки на окраину Москвы, в Кубинку, в качестве мальчика-разведчика в октябре сорок первого, когда он состоял в истребительном отряде милиции Киевского района. Да, командир отряда иногда посылал его собрать кое-какие сведения о приближающемся противнике, но кто ныне об этом помнит?

Отряд их занимался охраной различных объектов, но в основном боролся с мародерами. Вспомнился вдруг Вася Бычков, товарищ по школе и дому. Н-да, Васька тогда прибился к какой-то банде, грабили они квартиры, магазины. Очистили ювелирную лавку, там их и прихватили. И Бычкова вместе со всеми по законам военного времени без суда и следствия поставили к стенке. Запомнил на всю жизнь панику в Москве. До сих пор картина перед глазами: метро не работает, а по Кутузовскому шпарит грузовик, набитый вещами выше бортов. Среди вещей — какая-то баба с безумными от страха глазами. Грузовик рвется из столицы к окраине. На улицах надолбы, рвы, укрепления.

Как раз в эти дни в отряд за ним приехал отец. Долго не разговаривал, сказал: «Собирайся!»

— Куда это? — не понял Виктор.

— Ты в спецшколу подавал заявление?

И только тут Виктор вспомнил про спецшколу. Да, в конце 7-го класса он хотел поступить в военно-морскую спецшколу, прошел медкомиссию. Но теперь война, и существует ли эта школа? Оказалось — существует. И приказ о его зачислении уже состоялся.

— До Красносельской доберешься? — спросил отец.

Школа располагалась там.

— Доберусь.

— Тогда давай, двигай...

И он двинул. Потом была учеба, эвакуация в Ачинск, в Куйбышев. Позже школу перебросили на Каспий,

и курсант Любимов ходил матросом на пароходе «Шаумян». Перевозили лендлизовские, американские грузы из портов Ирана.

В 1943 году закончил спецшколу и был направлен в Баку на подготовительный курс перед поступлением в военно-морское училище.

Зиму проучились, а летом 1944 года — распределение по училищам. Он выбрал военно-морское имени М.В. Фрунзе. Многие из его друзей пошли в Дзержинку, а он — во Фрунзе. Почему? До сих пор не может ответить на этот вопрос. Да что там спрашивать, мальчишка, еще восемнадцать лет не исполнилось. Хотя, как сказать, за спиной уже был истребительный отряд милиции, спецшкола, штормы на Каспии... Не так уж мало для неполных восемнадцати лет.

Курсант Высшего военно-морского училища Виктор Любимов (второй справа) участвовал в историческом Параде Победы. 24 июня 1945 года.

В июне 1948 года он стал лейтенантом Военно-морского флота Советского Союза.

Дипломы, офицерские погоны, кортики им вручали в торжественной обстановке в Зале революции ордена Ленина Краснознаменного училища имени М.В. Фрунзе. Известный, знаменитый зал. Там еще устраивали балы российские гардемарины. И они, советские курсанты, танцевали здесь. Убирали стулья, надраивали старинный паркет... И питерских девушек было не удержать. Двери КПП трещали под напором будущих офицерских невест.

Их выпуск считался юбилейным, 25-м. Разумеется, за годы советской власти. Но курсанты помнили историю своего училища не только после 1917 года...

Выпускалось ни много ни мало полтысячи человек — четыре роты корабельных офицеров и одна пятая рота — гидрографов, которым предстояло обеспечивать навигационную безопасность мореплавания.

Из 500 офицеров в списке выпускников он стоял восьмым. Не по алфавиту, разумеется, по результатам учебы. А по традиции «краснодипломники» первого десятка имели право на выбор места службы. Такое право было предоставлено и лейтенанту Виктору Любимову. Он выбрал Черноморский флот и после приказа Главкома убыл к месту службы.

Как и положено, по прибытии доложил в штабе флота, неделю ждал назначения во флотском экипаже и вскоре получил предписание. В бумаге с печатью значилось, что он теперь командир башни главного калибра крейсера «Молотов». Такое назначение можно было считать удачей: крейсер — передовой на флоте, офицерский состав — в основном фронтовики, корабль год назад посетил сам Сталин.

С трепетом вступал на трап крейсера молодой лейтенант Виктор Любимов, представился командиру — капитану 2 ранга Петрову и в тот же день был приглашен к командующему эскадрой контр-адмиралу Горшкову, будущему Главнокомандующему ВМФ Советского Союза.

Всякий раз, рассказывая потом об этой встрече, Любимов будет подчеркивать: был не вызван, а именно приглашен.

Контр-адмирал Горшков имел обыкновение принимать у себя каждого выпускника, пришедшего в эскадру, и беседовать с ним во флагманской каюте. Разговор тот Любимов пронес через всю жизнь. Командующий был корректен, выдержан, вежлив. Добрая получилась беседа, уважительная. Если можно так сказать, человеком почувствовал себя молодой офицер, личностью, от которого многое зависит на корабле.

После встречи с командующим Виктор вернулся на крейсер окрыленным. И началась служба. А она оказалась совсем не такой, как представлялась в романтических мечтах гардемарину Любимову — намного будничней, тяжелей.

Крейсер «Молотов» во время Великой Отечественной войны при переходе из Севастополя в Новороссийск был торпедирован фашистами. Торпеда ударила в корму дальше третьей башни. К счастью, она уже была на излете, и потому гребные валы и винты остались целы, но верхнюю часть кормы оторвало взрывом. Таким образом, крейсер получил серьезное повреждение, погибли матросы, находившиеся на корме, но корабль остался на плаву и своим ходом дошел до Новороссийска. Потом, в ходе судоремонтных работ крейсеру приварили другую корму, и он продолжал службу.

Второе ЧП, которое приключилось на «Молотове», произошло как раз в башне главного калибра, которой теперь руководил Любимов.

Во время стрельб в башне случился пожар. Башня главного калибра устроена так, что боевое отделение находится наверху, потом располагаются башенные стволы, а снарядные и зарядные погреба — в самом низу, почти у кингстонов, на глубине 12 метров.

Так вот при подготовке к стрельбе сначала из погреба поднимается снаряд, за ним два полузаряда пороха — такие пороховые макаронины, обтянутые шелковой

оболочкой. Шелк рвется, и порох попадает между роликом и тросом подъемника. От трения воспламеняется весь полузаряд, и пламя ударяет вверх в шахту и, что самое страшное, — вниз, в снарядные погреба.

Спас крейсер от неминуемой гибели турбинный машинист. Увидев в погребе пламя и не ожидая команды с мостика, он открыл краны орошения и затопления. Погреба были затоплены.

Как выяснилось позже, виной всему — та самая немецкая торпеда, оторвавшая корму и деформировавшая одну из частей подъемника. Теперь, когда эти части разошлись, шелковая оболочка не выдержала и оборвалась, пороховой заряд обнажился. В ходе этой аварии погибли матросы, в основном те, что находились в погребах.

ЧП было громкое, на весь флот, и с тех пор о башне крейсера «Молотов» пошла дурная слава. И хотя поломку вскоре устранили, никто из матросов в башенный экипаж идти служить не хотел.

Поэтому, когда ее экипаж возглавил лейтенант Любимов, матросы тут были, как говорят в народе, «оторви да выброси» — отпетые нарушители дисциплины. Правда, молодому командиру повезло со старшиной. Мичман Чернов умел держать в кулаке эту ораву. Да и Любимов ни за чьи спины не прятался.

Через несколько месяцев, когда Любимов освоил башенную технику на практике, объявили: предстоит флотское учение. У крейсера «Молотов» трудная задача — он должен провести стрельбы ночью, в сложных метеоусловиях. Цель подсвечивали осветительные бомбы, сбрасываемые с самолета. Но и этого руководителям учений показалось мало. Стрельбы следовало выполнять в противохимическом защитном костюме и в противогазе.

Все понимали, сколь непростое дело предстоит выполнить коллективу, и поэтому в башне главного калибра шли упорные тренировки. И вот накануне выхода в море на учение башня подтвердила свою дурную репутацию. Как-то мичман Чернов, разыскав Любимова, доложил:

— Товарищ командир, у нас ЧП.

У Любимова похолодело внутри.

— Что случилось?

— Снаряд упал.

— Куда упал?

— Из боевого отделения в погреб. Подъемник разнес вдребезги.

— Головка боевая?

— Да нет, к счастью, учебная, болванка.

Прибежали в башню, спустились вниз. Действительно, подъемник разбит. А это значит, башня главного калибра вышла из строя. Вместо трех стволов огонь могут вести только два. И это накануне похода, флотских учений, боевых стрельб. Худшего не придумаешь.

Но что делать, Любимов идет, докладывает командиру боевой части, тот — командиру крейсера и далее по команде — командующему эскадрой.

Горшков был немногословен: «Башню починить, командира башни — наказать».

С тем и вышли в море на учения. А дальше помогли золотые руки матросов из дивизиона живучести корабля. Пахала судовая мастерская, изготавливая запчасти для ремонта подъемника, лейтенант Любимов, мичман Чернов и командир дивизиона живучести капитан-лейтенант Иванов, забыв про отдых, восстанавливали вместе с матросами поломку.

Пока дошли от Севастополя до Поти, подъемник работал как новенький. Доложили Горшкову. Тот отменил приказ о наказании Любимова.

Потом были стрельбы — ночью, при плохой видимости, но башня главного калибра не подвела.

В моем архиве хранится старый, истрепанный номер журнала «Огонек», изданный в 1949 году. Мне подарил его Виктор Андреевич Любимов. На фотографии у орудий своей знаменитой башни он и четверо его матросов с кубком Главкома. И надпись под снимком: *«19 августа 1947 года на палубе крейсера «Молотов» беседовал с моряками великий вождь советского народа Иосиф Виссарионович Сталин.»*

С того дня прошло почти два года, но день этот так ярко запечатлелся в памяти, словно был вчера. Иосиф Виссарионович пожелал экипажу успехов. Моряки поклялись оправдать доверие вождя. Они сдержали слово: в прошлом году крейсер «Молотов» завоевал переходящий приз Главного командующего Военно-морскими силами по артиллерийским стрельбам — большой, художественно оформленный кубок».

Позже у Любимова произошла еще одна встреча с командующим эскадрой контр-адмиралом Горшковым. Адмирал вышел в море на крейсере «Молотов», а Любимов заступил вахтенным офицером.

Пришлось докладывать. Горшков вспомнил молодого офицера, их беседу, поломку башни.

— Ничего, — улыбнулся командующий, — за одного битого двух небитых дают. Держись, лейтенант.

И он держался. Морская корабельная жизнь ему нравилась. Откуда у коренного москвича, не видевшего ничего, кроме Москвы-реки, тяга к морю? Кто знает?

Он перебирал в памяти свои жизненные ступеньки, и еще, еще раз убеждался: в разведке оказался совершенно по случаю, возможно, даже по чьей-то злой воле.

И самое главное — ничего у него нет от разведчика. Хотя, признаться, какие черты и качества нужны в разведке, он себе толком не представлял.

Виктор добрался до Кутузовского, дворами прошел к родной школе. Первая советская — так она называлась. Постоял, вспомнил, как много погибло ребят из его класса. Несмотря на свои 15 — 16 лет, они рвались на фронт.

Если бы не спецшкола, он тоже оказался бы там. Да воспитатели, преподаватели смогли убедить: фронту нужно не пушечное мясо, а грамотные морские офицеры. Для этого надо много знать и уметь. И чем больше он постигал морскую науку, тем глубже понимал пропасть своего незнания. Чтобы водить в бой корабли, следует долго, упорно учиться. Спецшкола, подготовительный курс, военно-морское училище... Пять с лишним лет. Да и потом судьба ему улыбнулась. Совсем молодым лейтенантом он ушел в незабываемое плавание — из Балтики Кильским

передал командиру корабля семафор из штаба флота. А там было написано: «Приказываю откомандировать лейтенанта Любимова в штаб флота». И подпись начальника штаба флота.

Командир из президиума собрания махнул лейтенанту, подозвал его и подсунул семафор.

— Ясно?

Любимов прочитал.

— Так точно.

— Завтра первым баркасом в штаб флота.

Что ж, в штаб так в штаб. Пропуск на него был оформлен. «Лейтенант Любимов?» — «Да». — «Очень хорошо. Зайдите, получите проездные документы, и сегодня вечером вам надлежит убыть в город Ленинград». — «Как, что, зачем?» — «Там вам объяснят».

Приказ свят. Получил командировочное предписание, повертел в руках: прибыть в г. Ленинград по адресу: Невский проспект, дом такой-то. И все. Ни номера воинской части, ничего.

Вернулся вечером к себе домой, вот, мол, жена, еду в командировку в Ленинград. В доме переполох: муж едет в командировку, а жену-ленинградку в родной город не берет. Что поделаешь, служба, не положено.

Прибыл в Ленинград, пришел по указанному адресу, на Невский проспект. Подъезд, никаких вывесок. Зашел в подъезд, огляделся. Какой-то кабинет. Стоит лейтенант в растерянности. Слышит: «Как ваша фамилия?» — «Да я, наверное, не туда попал». — «Да нет, туда, — отвечают. — Давайте предписание».

И тут же вручают новое командировочное: на сей раз убыть в Калининград. Теперь уже убыли группой в пять военно-морских офицеров. В Калининграде приехали в порт, и сразу к начальнику порта. Наконец все выяснилось. Три десятка морских офицеров с Балтики, с Черного моря и с Северного флота собрали для выполнения задачи Политбюро и Совмина: перегона 30 кораблей, полученных по репарации в Германии. Их следовало доставить из Калининграда в Новороссийск. Корабли — обыкновенные

тральщики. Офицеры, кто имел допуск на управление кораблем, шли капитанами, кто не имел — штурманами. Были еще и капитаны-наставники. Любимову в капитаны-наставники достался опытнейший капитан торгового флота, прошедший гражданскую войну в Испании.

Офицеры шли под легендой гражданских моряков. Погоны сняли, звездочки с морского краба отломали, а мундиры... Страна послевоенная, бедная, многие в военной форме ходят. Так что мундиры без погон не вызывали подозрений.

Однако экзамены по штурманскому делу пришлось сдавать, и документы реальные им вручили, чтобы полиция в портах захода не придиралась.

Перед самым выходом в поход в клубе собрали только офицеров. Объявили, что сейчас перед ними выступит представитель разведуправления флота. Зал недовольно загудел, но флотский разведчик призвал всех к воинскому долгу, объяснил обстановку. Сказал, что разведка будет благодарна, если во время перехода офицеры подметят особенности береговой обороны, охраны водного района, навигационные и корабельные особенности.

Каждому выдали по фотоаппарату. Просили обратить внимание на Кильский канал. Дело в том, что во время войны англичане усиленно его бомбили, дабы предотвратить переброску немецкого флота в Северное море, к берегам Англии. Но бомбежка эффекта не давала. Почему? Англичане после войны нашли ответ, ибо канал оказался в их зоне оккупации. Но наша разведка так и не разгадала секрет живучести шлюзов Кильского канала. Были свои разведзадачи и по Гибралтару, и по Босфору, и по Дарданеллам. По возможности все это надо было сфотографировать.

Вот тогда-то в Кильском канале лейтенант Виктор Любимов, не имевший никакого отношения к разведке, и выполнил свое первое разведздание. Он разгадал секрет шлюзов. Оказалось, у немцев ворота шлюзов открывались не настезь, как привычнее для нас, а втягивались в подземные железобетонные бункера. При угрозе бомбежки

они убирались, и англичане бомбили воду. Так канал и его шлюзы находились в рабочем состоянии всю войну.

Эти уникальные шлюзы и удалось сфотографировать Любимову и по возвращении подробно описать в своем отчете разведуправлению.

Этот перегон кораблей из Кёнигсберга (Калининграда) в Новороссийск стал хорошей школой и серьезным экзаменом флотской закалки, штурманского мастерства и мужества для молодого морского офицера. Двенадцать лет спустя во Франции в дни гибели танкера «Нефтегорск» Виктор Андреевич будет вспоминать жесточайший шторм в Бискайском заливе, в который попал наш караван кораблей.

В отдельные моменты тральщик почти полностью ложился на борт, и казалось, что он не выпрямится, а перевернется килем вверх. Всем было приказано надеть спасательные пояса. Многие моряки вышли из строя из-за жесточайшей качки. От проложенного курса пришлось отказаться. Главной задачей было удерживать корабль носом к накатывавшимся волнам. Ситуация усугублялась тем, что все это происходило ночью. Шторм разыгрался ближе к полуночи. Шедший дружно караван был разбросан по Бискайскому заливу. Этот ад продолжался почти половину суток, и лишь где-то к середине следующего дня ветер начал стихать, хотя волна продолжала оставаться крутой. Поймав момент, штурман определил местоположение корабля по солнцу. Они оказались у берегов Португалии. Капитан корабля взял курс на Марокко в точку встречи, которая была установлена заранее.

У побережья Марокко вскоре собрались все корабли каравана. Потерь, к счастью, не было, но в экипажах обнаружили больные и травмированные. Начальник перегона кораблей, капитан дальнего плавания Шанько подвел итог пройденного пути и поставил задачи на переход через Средиземное и Мраморное моря.

Неугомонный капитан-наставник Онищенко похвалил Виктора за умение ориентироваться по звездам и за выдержку во время шторма. Он разрешил команде

искупаться в океане, а затем напугал всех криком: «Акулы!» А когда все подплыли и забрались на борт, он заявил: «Все отлично, ребята. Я пошутил, чтобы вы не заплывали далеко». За эту шутку он был схвачен, раскачен и прямо в одежде выброшен в океан. Все посмеялись и занялись корабельными делами. Дел впереди было еще много.

Лейтенант Виктор Любимов. Севастополь. 1949 год.

А Онищенко рассказал Виктору еще одну забавную историю, которая, к счастью, закончилась благополучно.

Дело в том, что в Кильской бухте Онищенко покинул корабль, и командование тральщиком было возложено на Любимова. Однако уход капитана-наставника оказался вынужденным. Когда они стояли в Кильской бухте, к ним на борт прибыли представители английских оккупационных войск и немецкой полиции. Виктор немного знал английский, Онищенко — немецкий. Общими усилиями разобрались. Оказывается, англичане и немцы пытались объяснить, что русский корабль находится в бухте, подает сигналы гудками «прошу помощи», но когда к нему на борт хотят подняться немецкие или английские представители — капитан никого не пускает.

Онищенко и Любимов сразу смекнули, почему русский капитан не разрешает никому подняться на борт. Перед уходом в плавание «особисты» до посинения инструктировали их, что если кто-то попытается бежать с корабля, следует принимать самые жесткие меры к задержанию, а также никого не пускать на борт.

Оставался единственный вопрос: почему он просит помощи? Пришлось Онищенко передать командование Любимову, а самому убыть с местными властями к подающему сигналы бедствия.

«Ты не переживай, Виктор, — обнял его на прощанье Онищенко, — в Северном море я тебя догоню».

И вправду догнал и вот что поведал.

Капитан 3 ранга, штурман подводной лодки, успевший понюхать пороху на войне, был назначен командиром тральщика и шел общим караваном. Перед заходом в Кильскую бухту со штурманом тральщика они крепко выпили и международный сигнал: «Возьмите лоцмана» не заметили.

А заход в Кильскую бухту был крайне сложным. Однако капитан 3 ранга тоже не промах. Они в войну в боевых походах немецких лоцманов не спрашивали, ходили и более сложными фарватерами. Словом, держась в кильватере впереди идущего, ориентируясь по его сигнальным

огням, тральщик вошел в бухту без лоцмана. Но дальше случилась незадача. Кильская бухта чем-то похожа на Севастопольскую, на холмах расположен город с большим количеством огней. И если в море удержаться за кильватерные огни передового корабля вполне под силу опытному капитану, то здесь перед тобой — море огней. И вместо того чтобы, войдя в бухту, отвернуть вправо в сторону канала, встать в очередь, наш боевой «кэп-три» оказался в центре бухты.

Он застопорил машины, лег в дрейф и стал гудками подавать сигналы бедствия. Но предварительно вооружил всю команду баграми, дубинками и приказал всякого, кто сунется на борт, охаживать по голове.

Онищенко подошел к тральщику на полицейском катере и обложил «кэп-три» смачным русским матом. Тот притих, а потом с мостика подал команду: «Матерщинника пустить, остальных в воду, если полезут».

Так закончилась эта история.

Вторая половина маршрута по Средиземному, Мраморному и Черному морям прошла без приключений. По прибытии в Новороссийск Любимов доложил о походе, сдал фотоаппарат с отснятой пленкой и забыл о своем первом разведзадании. Но, видимо, тот, кто читал его отчет и оценивал отснятые фотокадры, запомнил молодого лейтенанта. И когда Любимов уже служил на эскадренном миноносце «Боевой» командиром артиллерийской боевой части, мечтая стать настоящим «морским волком», подал рапорт с просьбой отправить его на высшие офицерские курсы, судьба сделала резкий поворот.

И вот теперь случилось то, что случилось: завтра ему предстоит явиться в Филадельфию, на курсы, тоже высшие и даже академические, но только офицеров разведки Генерального штаба.

...Поздней осенью 1952 года, в октябре, высшие курсы разведки были позади. В аттестации, которую подписал начальник курса генерал-майор Бедняков, было сказано: *«Любимов Виктор Андреевич, старший лейтенант. С декабря 1951 года по декабрь 1952 года — слушатель*

Краснознаменных Высших академических курсов офицеров разведки Генерального штаба Советской Армии.

На учебу разведВАК прибыл с должности командира «БЧ-2» эскадренного миноносца «Боевой». В разведке раньше не служил. Занимался добросовестно. Все учебные дисциплины изучал серьезно.

Основную дисциплину — специальную разведку — освоил отлично. Теоретически знает организацию и ведение разведки в масштабе округ — флот.

Изучал английский язык.

Учебу на разведВАК закончил с общей отличной оценкой. Может быть использован на должности офицера морского подразделения разведки.

3 декабря 1952 года».

Остается только добавить, что за свою отличную учебу Любимов получил денежную премию. Правда, ее хватило на один вечер. Но погудели всей группой славно.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ РАБОТЫ В РАЗВЕДКЕ

Распределение Любимов получил в разведуправление Военно-морского флота. Встретили в разведке выпускников курсов хорошо, но никуда не назначили. Уже через неделю-другую Любимов разобрался в обстановке. Особенно никто не распространялся, но в коридорах Главного морского штаба чувствовалась напряженная обстановка: ходили упорные слухи о реформировании ВМФ. Говорили о слиянии Министерства обороны и Военно-морского ведомства.

В марте 1953-го умер Сталин, и вновь все затихло, затормозилось. Кто будет у власти, кто станет командовать флотом? На эти вопросы пока ответов не было.

Наконец, произошло объединение ведомств, и в составе группы военно-морских офицеров старшего лейтенанта Виктора Любимова откомандировали в Главное разведуправление Генерального штаба. Группа, надо сказать,

была весьма талантливая. Василий Соловьев, Владимир Молчанов стали впоследствии адмиралами, начальниками управлений ГРУ, а Владимир Вашенко — даже заместителем начальника военной разведки.

Любимов среди них был самым молодым, как говорят, не нюхавшим пороха. Но он не унывал. Терпеливо ждал, когда уляжется реформационная неразбериха и для него найдется место.

На высших академических курсах по агентурной работе им давали лишь азы, готовили больше как командиров разведывательно-диверсионных групп, и поэтому Любимов был внутренне готов отправиться на любой флот в состав разведуправления.

Однако и тут жизнь распорядилась по-своему. Освободилась должность в аппарате военно-морского атташе в Вашингтоне, и Любимов был туда рекомендован. Должность эта была невысокой, если не сказать больше — самой низкой в аппарате атташе. По-английски она звучала как «доркипер», то есть открыватель дверей, а по-нашему, курьер охраны.

Легендировался Любимов под человека сугубо штатского, моряка торгового флота, который в войну ходил на сухогрузах по Каспию. Это во многом соответствовало действительности: знал он и сухогрузы, и Каспий, и иранские порты, и наши Красноводск, Баку, Астрахань. Ну, а скромная должность курьера охраны в какой-то мере защищала от излишне пристального внимания американской контрразведки.

Итак, США, Вашингтон... Комиссия ГРУ утвердила кандидатуру Любимова. Штатской одежды в то трудное послевоенное время у старшего лейтенанта, разумеется, не было. Экипировали его как могли. В основном со складов Главного разведуправления: костюм, пальто, шляпа. Правда, потом не забыли вычесть стоимость одежды из лейтенантской зарплаты.

Старшего сына, которому было 5 лет, рекомендовали оставить в Советском Союзе. И поскольку отец Любимова был тяжело болен, решили завезти сына по дороге

в Питер, к родителям жены. Маленькую дочь, которой исполнился всего год, взяли с собой.

Оформили паспорта, билеты и двинули из Москвы в Ленинград. Денька на два задержались — в Питере погостили — и на теплоходе «Белый остров» отчалили в Лондон.

То была незабываемая поездка, в сущности, их первое знакомство с миром. Потом с годами они объедут, почти-тай, всю Европу, будут работать во Франции, в Голландии, в Германии, но тогда, на борту теплохода, молодой советский разведчик Виктор Любимов и его жена и мечтать не смели о подобном будущем.

Они были молоды, позади остались страшная война, голод, а впереди — неведомая Америка.

Теплоход сделал остановку в Хельсинки, и они успели кое-что увидеть, проехаться по городу. Потом был заход в Стокгольм и, наконец, в Лондон.

Правда, «Белый остров» приходил в Лондон уже накануне отплытия лайнера британского пассажирского флота «Куин Мери» из Саутгемптона. А до него еще надо было добраться. Поэтому времени на знакомство с Лондоном не было. Ну, разве что короткая прогулка по вечернему городу, ночь в гостинице, а утром традиционный английский завтрак — яичница с беконом и чай. Кстати говоря, по русским понятиям, чаек был слабоват... И снова в путь. Поездом на юг Англии, в порт Саутгемптон.

Любимов — моряк, флотский офицер, повидал немало кораблей, но о «Куин Мери» — разговор особый: многопалубный теплоход с бассейном, удобная комфортабельная каюта на троих. Даже для их маленькой дочери была отдельная постель. После разбитого, голодного Севастополя, послевоенной Москвы шикарный морской лайнер казался сказкой. Обедали в ресторане, где в большом меню было записано по несколько блюд на закуску, на первое, второе, десерт. Несмотря на хорошее знание английского (а именно так их оценивали на Высших академических курсах), Любимов с трудом разбирался

в этом многообразии блюд. Особенно нервничала жена: что же заказать, дабы не попасть впросак?

Погода во время плавания стояла ненастная, нередко штормило, но при подходе к Нью-Йорку все успокоилось. Были хорошо видны город, статуя Свободы, небоскребы Манхэттена. Пассажиры высыпали на верхнюю палубу и смотрели во все глаза. Среди них была и супружеская пара Любимовых.

По совету друзей из Москвы они прихватили с собой русские деликатесы: буханку черного хлеба, селедку, палочку копченой колбасы.

На таможне колбасу отобрали, а вот хлеб и селедку не обнаружили. Хотя в ту минуту селедка уже не очень волновала Виктора Любимова. Он думал о другом: как добраться от Нью-Йорка до Вашингтона. Кое-какие карманные деньги у него были, но где вокзал, как до него добраться, сколько стоит билет? Словом, десятки безответных вопросов.

Пройдя таможенный и паспортный контроль, Любимов нашел укромное местечко, оставил жену и дочь и уже решил пройтись по морскому вокзалу, так сказать, на разведку, как в эту же минуту его окликнули. На чистейшем русском языке: «Виктор Андреевич, здравствуйте».

Перед ним стоял высокий статный человек вполне американской наружности. Приветствие на родном языке совсем не обрадовало. Тем более он никак не ожидал, что его будут встречать.

— С кем имею честь, простите?

Человек тепло улыбнулся и протянул руку. «Амосов Игорь Александрович, старший помощник военно-морского атташе». Отлегло от сердца. Его встречали. Фамилии сотрудников аппарата атташе он выучил еще в Москве. И Амосов был ему знаком, хоть и заочно.

Забрали супругу, дочь, чемоданы. У Амосова — машина. Погрузились, и первым делом — на вокзал. Игорь Александрович сам купил билеты и этим же вечером уехал в Вашингтон.

Поселились в доме у военно-морского атташе капитана 1 ранга Фаворова. Он и его жена жили одни, без детей. Места в доме для размещения Любимовых на некоторое время было предостаточно. Разместили вещи, уложили спать маленькую дочь и вышли прогуляться.

В этот вечер в Вашингтоне выпал первый снег. Виктор и Валентина Любимовы запомнили его на всю жизнь.

Тихий, несмелый, он падал на асфальт, на плечи прохожих, на ресницы жены. На душе было тепло и спокойно. Военный разведчик Виктор Любимов еще не подзревал, сколько тревог и волнений у него впереди. Но все они будут потом. А сейчас он был по-настоящему счастлив.

Первый снег... Первые шаги по вашингтонским улицам. По большому счету, первый день работы в разведке.

БЕЗУМНАЯ ЗАДАЧА ИЗ МИРА ШПИОНСКИХ БЕСТСЕЛЛЕРОВ

Внешне должность «доркипера» Любимова была непыльная. «Открыватель дверей» — он и есть открыватель. Приходилось дежурить в офисе аппарата военно-морского атташе, разбирать почту, принимать посетителей.

Однако это была лишь видимая часть айсберга. В обязанности «доркипера» входил контроль за передвижением кораблей Атлантического и Тихоокеанского флотов Соединенных Штатов. В огромные таблицы вносилась дислокация каждого корабля, отслеживалось его передвижение. Сведения добывали отовсюду, где только можно было их добыть: из открытой печати, радио и телепередач, закрытых радиоперехватов, бесед с иностранцами и, конечно, из оперативных источников.

Но это было лишь полдела. Получил «доркипер» оперативный псевдоним Лодж, а вместе с ним и персональную оперативную задачу. Задача такая, что ни в сказке сказать, ни пером описать. И, откровенно говоря, молодой разведчик вообще не представлял, как к ней подступиться.

А дело в том, что под Вашингтоном, в местечке Вай оул, находилась секретная военно-морская лаборатория. Было известно: лаборатория занималась разработками нового оружия. Но какого? Это и предстояло узнать Любимову.

Когда резидент ставил эту поистине безумную задачу (а иначе ее и нельзя было назвать), Любимову показалось, что он попал в мир шпионских бестселлеров. Тут не иначе как пахивало шпионской сказкой, густо замешенной на авантюризме. А может, резидент пошутил, разыграл его? Ну как, к примеру, на флоте «молодых» заставляют продуть макароны. Хотя разговор был очень серьезным, да и резидент, кажется, не склонен к розыгрышам.

Но тогда как можно расценить подобную задачу?

В посольстве СССР в США. В. Любимов (второй справа) с супругой Валентиной (третья справа). 1954 год.